А. А. ПАПКОВЪ.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ

ПО ИСТОРІИ

ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ОБЩИНЫ.

(Лекція, читанная въ Русскомъ Собраніи, 13 ноября 1901 г. въ отдѣлѣ „народнаго права“).

Изъ Журнала „Вѣстникъ Права“
(Декабрь 1901 г.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Сенатская Типографія.
1901

К

А. А. ПАПКОВЪ.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ

ПО ИСТОРІИ

ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ОБЩИНЫ.

(Лекція, читанная въ Русскомъ Собраніи, 13 ноября 1901 г. въ отдѣлѣ „народнаго права“).

Изъ Журнала „Вѣстникъ Права“
(Декабрь 1901 г.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Сенатская Типографія.
1901

ОК

277
37

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ ПО ИСТОРІИ ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ОБЩИНЫ.

Происхожденіе общинныхъ земель.

Славяно-русскій народъ въ исторически извѣстное время находился въ состояніи осѣдлости [1]). Мѣстожительство славяно-руссовъ, разбитыхъ на отдѣльныя племена, простиралось отъ Ильменскаго озера и рѣки Волхова до Карпатскаго предгорья; всѣ эти племена почти исключительно занимались земледѣліемъ и промыслами, связанными съ нимъ. Поземельное устройство древней Руси наложило характерный отпечатокъ на всю ея многовѣковую исторію. Въ глубочайшей древности на русскомъ пахарѣ лежала тяжелая работа: превратить въ пашни и луга громадныя пространства разстилавшихся передъ нимъ дикихъ земель

---

[1]) Названіемъ „славяно-русскій народъ“ мы хотимъ лишь обозначить всю совокупность родственныхъ по происхожденію славянскихъ племенъ, которыя въ глубокую древность заселили предѣлы нынѣшней сѣверо-западной и юго-западной Россіи, а также область нынѣшней Галичины; одно изъ этихъ племенъ, именно „Поляне“, прежде другихъ названо было „Русскимъ“ племенемъ, а языкъ ихъ „русскимъ“; см. *Сергѣевичъ*, Юрид. древн. I, 85, 89. Объ осѣдлости этихъ племенъ см. записку *Срезневскаго* въ Извѣст. Акад. по отд. русск. яз. 1854 г.—Арабскій писатель Абуль-Касимъ, извѣстный подъ именемъ Ибнъ-Хордадбе и писавшій во второй половинѣ IX вѣка, зналъ, что Руссы были славянскимъ племенемъ и что они вели торговлю мѣхами съ Каспійскими странами, плавая по рѣкѣ Волгѣ. Другой арабскій писатель, Табари, говоритъ о Руссахъ, какъ о могущественномъ племени въ VII вѣкѣ. О Руссахъ и о Славянахъ сообщаетъ важныя извѣстія также арабскій писатель Масуди, писавшій въ половинѣ X вѣка; см. *Гаржави*, Сказ. мусульм. писат. о слав. и русск. 49, 74, 78, 130, 135.

и лѣсовъ. На такую работу немыслимо было пуститься въ одиночку, и русскій пахарь шелъ „сообща“ отвоевывать участки „земли-кормилицы“ отъ дикой природы и дикихъ кочевниковъ. Въ это „обчее“ дѣло всякій участникъ вносилъ свой посильный трудъ, свои орудія, средства и знанія, и когда дикое мѣсто почти нечеловѣческими усиліями вырубалось, очищалось, осушалось, однимъ словомъ, превращалось въ обработанный участокъ, въ жилое поселеніе („посилье“), всѣ участники въ этомъ трудѣ,—требовавшемъ предварительно многихъ совмѣстныхъ обсужденій и рѣшеній,—сознавали „нутромъ“, что побѣду надъ землей можно было одержать лишь „сообща“. Мало того—и отстоять, и удержать за собой эту отвоеванную отъ природы землю можно было тѣмъ же „сообща“, которое, по своимъ силамъ, средствамъ и пріемамъ въ работѣ, на много превосходило каждую личность въ отдѣльности. Кому же эта земля, по Божеской справедливости, могла принадлежать на правѣ полной собственности, какъ не этому кружку піонеровъ, связанному къ тому же еще крѣпкими въ то время семейными узами. Этого чувства справедливости не были лишены наши древніе пахари, и оно при могучей помощи родовыхъ началъ создало въ Россіи общинныя земли и своеобразныя общинныя отношенія между поселенцами.

Особенно яркое освѣщеніе получаетъ вопросъ о внутреннемъ бытѣ древней патріархальной общины въ лѣтописномъ свидѣтельствѣ, хотя и краткомъ, но за то выразительномъ. Нашъ древній лѣтописецъ Несторъ, упоминая о Полянахъ, говоритъ: „живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ“ (Лавр. лѣт. изд. 1, стр. 4).

Господство общины въ древности.

Принадлежность земли, какъ всеобщаго источника кормленія, на правѣ полной собственности въ большинствѣ случаевъ только „общинѣ“ (этому юридическому лицу, по нынѣшней терминологіи, понятному и древности въ смыслѣ „верви“), создавала въ прошломъ полное господство общины надъ отдѣльными ея членами. Чѣмъ болѣе начнешь вдумываться въ значеніе этого господства общины, тѣмъ болѣе проникаешься мыслью о той полной зависимости, въ которую это господство ставило отдѣльныхъ членовъ общины другъ отъ друга; зависимость эта обусловливалась, съ одной стороны, полной неотчуждаемостью земли отъ общины, а съ другой—слабостью личности, окруженной со

всѣхъ сторонъ опасностью и лишенной, помимо общины, всякой защиты. Эта зависимость другъ отъ друга и постоянная потребность въ чужой помощи,—въ хозяйствѣ, въ устройствѣ дорогъ, а также въ отстаиваніи совокупными силами отъ природы, отъ враждебныхъ людей и дикихъ звѣрей своихъ пашенъ, луговъ, лѣсовъ, выгоновъ, водопоевъ и путей сообщенія, находившихся въ общемъ и нераздѣльномъ пользованіи,—связывали отдѣльныя личности въ такое живое цѣлое, о которомъ трудно теперь составить себѣ правильное и полное понятіе. Такая сильная связь и потребность другъ въ другѣ естественно приводили отдѣльныхъ членовъ общины къ понятію о равноправности, какъ по отношенію участія во владѣніи и пользованіи общей землей, такъ и въ несеніи всякой тяготы, связанной съ этимъ владѣніемъ и касающейся до распоряженія общинной землей, до распредѣленія и уплаты податей и повинностей, однимъ словомъ, до всякаго распорядка и суда. Такая равноправность въ отношеніи управленія „сообща“ дѣлами общины вела сама собою къ учрежденію мірского схода изъ всѣхъ членовъ владѣвшихъ землею, а потому единственно властныхъ, и къ выбору изъ ихъ среды лучшаго и опытнѣйшаго человѣка въ качествѣ представителя общины (старѣйшины, головы). Эти единственно справедливыя отношенія членовъ общины, въ которыя они становились другъ къ другу по владѣнію землею и въ сферѣ мѣстнаго управленія и мѣстнаго суда, вмѣстѣ съ проведеніемъ въ самую жизнь понятія объ обложимости податями и повинностями только земли, а не личности,—создали типичныя особенности всего гражданскаго и правового строя древней Руси и наложили неизгладимый отпечатокъ на всю послѣдующую жизнь русскаго народа.

Круговая порука.

Разъ было усвоено понятіе, что центръ тяжести общественной жизни лежитъ не въ „личности“ съ ея эгоистическими правами, пріобрѣтаемыми въ древности въ большинствѣ случаевъ силою, а въ „общинѣ“, какъ неограниченной поземельной собственницѣ, обезпечивающей для всѣхъ людей доступность поземельнаго владѣнія, то очевидно, что всѣ общественныя права—и неразлучныя съ ними обязанности—сосредоточились только въ ней, и отъ нея эти права могли получаться личностью въ качествѣ общественной единицы. Весьма естественно, что въ связи съ этимъ краеугольнымъ понятіемъ проникло и увѣнчало все зданіе общины начало „круговой поруки“, „отвѣтственности всѣхъ за одного и одного за всѣхъ“, которое породило тѣсно съ

нимъ связанную потребность въ охранительной дѣятельности, заключавшейся въ водвореніи извѣстной нравственной дисциплины среди членовъ общины.

Картину древне-русскаго общественнаго быта невозможно возстановить во всей ея полнотѣ и цѣлости, и, вѣроятно, отъ историковъ навсегда останется скрытымъ, какъ постепенное развитіе правовыхъ началъ, которое происходило внутри общины, такъ и постепенное расширеніе ея въ пространствѣ, вмѣстѣ со связаннымъ съ такимъ расширеніемъ процессомъ соотношенія ея къ другимъ самостоятельнымъ общинамъ, а равно и къ вотчинникамъ (отдѣльнымъ собственникамъ), которые, быть можетъ, появились еще въ доисторическій періодъ, рядомъ съ общинами. Такое расширеніе общины въ пространствѣ совершалось несомнѣнно по мѣрѣ накопленія въ ней народонаселенія, какъ естественнымъ путемъ, такъ и извнѣ, вслѣдствіе появленія новыхъ пришельцевъ, и по мѣрѣ выселенія этого избытка людей изъ мѣстъ первоначальной осѣдлости и устроенія ими на тѣхъ же началахъ,— по сосѣдству, въ окружности,—новыхъ „выселковъ“, „починковъ“ и „выставокъ“, тянувшихъ всѣмъ и во всемъ къ своему первоначальному поселенію [1]).

Вервь.

Согласно изысканіямъ историковъ древне-русской жизни,—освѣщавшихъ своими работами многотрудный вопросъ о началахъ древне-

---

[1]) Высказанныя соображенія о происхожденіи, характерѣ и развитіи древне-русской общины основываются главнымъ образомъ на изслѣдованіяхъ: 1) Бѣляева, Крестьяне на Руси (1879 г.); 2) Иванишева, О древ. сельск. общ. въ юго-зап. Россіи, „Рус. Бесѣда“ 1857 г., Ш, кн. 7; 3) Лешкова, Общ. бытъ древ. Россіи, Жур. Мин. Нар. Пр. 1856 г., іюль; О владѣніи общиномъ „Юрид. Вѣстн.“ 1867 г., декабрь; „Русскій народъ и государство“, на стр. 89, Лешковъ дѣлаетъ выводъ, что „отличительное свойство русскаго народа, сообщившее особенность его исторіи, состоитъ въ общинности, въ общинномъ бытѣ, въ способности составлять общины и постоянно держаться общиннаго устройства, порѣшая все при посредствѣ общины“; 4) Леонтовича, Задружно-общинный характеръ политическаго быта древ. Россіи, Жур. Мин. Нар. Пр., 1874 г., іюнь; 5) Кавелина, Поземел. общ. въ древ. и нов. Россіи, „Вѣст. Евр.“ 1877 г., май; 6) Уманца, Сельск. общ. въ Россіи, „Отечеств. Зап.“ 1863 г., 9 и 10 7) Соколовскаго, Очеркъ ист. сельск. общ. на сѣверѣ Россіи, 1877 г. По мнѣнію Соколовскаго, фактъ существованія поземельной общины въ древней Россіи обставленъ такими твердыми основаніями, которыя ставятъ его внѣ сомнѣнія (стр. 63).

русской общественности и замѣтившихъ въ русскомъ бытѣ преобладаніе общественныхъ интересовъ предъ личными,—вся земля у различныхъ русскихъ племенъ дѣлилась въ древности на отдѣльные участки, разные по пространству, которые въ большей части Руси (особенно на югѣ) носили названіе „верви“, то есть, съ точки зрѣнія общественной, такой пространственной единицы, въ которой проживающіе въ ея предѣлахъ и родственные по происхожденію люди были связаны между собою и „по землѣ“ [1]).

Отъ этой „верви“, какъ главной земельной собственницы, члены ея получали свое производное, безсрочное владѣніе удѣлами или надѣлами, причемъ наблюдалось равенство этихъ земельныхъ надѣловъ [конечно, какъ „нормы“ семейнаго участка, въ смыслѣ доставленія одинаковыхъ средствъ существованія, которые поступали къ членамъ общины (главамъ семей)] „по жребію“ [2]).

---

[1]) На сѣверѣ, какъ кажется, „верви“ соотвѣтствовалъ „погостъ“ и „губа“ въ Псковской области. О твердыхъ границахъ земельнаго общиннаго участка см. Русскую Правду, списокъ Карамзинскій, 32 и 36. Орудіемъ размѣра поземельнаго участка у балтійскихъ славянъ служила вервь—funiculus dimensionis, Котляревскій, Древ. прав. балт. слав., 155. О значеніи славянскаго слова „вервь“, см. примѣч. 376, т. I, Ист. Россіи, Соловьева (изд. 6-ое). Весьма полезно имѣть въ виду соображенія Бестужева-Рюмина (Рус. Ист., 1872 г. т. I, стр. 41—43) относительно сближенія сербской „задруги“ съ нашею вервью и его взглядъ, что общины территоріальныя (верви) могли создаваться только изъ имѣвшихся уже семейныхъ элементовъ и по ихъ образцамъ; такія общины были судьями между своими членами и въ случаяхъ нужды оказывали имъ пособія: „при отсутствіи власти, стоящей надъ общиной, гдѣ же, какъ не въ общинѣ,—въ своемъ собственномъ кругѣ,—долженъ былъ обиженный искать защиты“? Замѣчанія Лешкова (Русс. нар. и госуд.) о верви, стр. 97 и слѣд.

[2]) Историческая наука не даетъ намъ опредѣленныхъ свѣдѣній, ни о внутреннемъ распорядкѣ въ древне-русской верви, какъ единицы хозяйственной, земской и административной, ни объ отношеніяхъ этихъ общинъ, какъ между собой, такъ и ко всей области, населенной какимъ либо племенемъ; но за то въ древнемъ правѣ сохранилось крайне важное свидѣтельство о той солидарности между членами верви, которая образовалась на общественной почвѣ, а также о тѣхъ правахъ и обязанностяхъ верви, которыя ей принадлежали по судебной и административно-полицейской части. Нашъ древнѣйшій законодательный памятникъ „Русская Правда“ (во всѣхъ его спискахъ) содержитъ въ себѣ нѣсколько постановленій, въ силу которыхъ вервь (территоріальная община) являлась отвѣтственной при отсутствіи виновныхъ въ преступленіяхъ, совершенныхъ въ предѣлахъ верви. Къ числу такихъ преступленій относились: а) тайное убійство, предполагаемое умышленнымъ, и б) необнаруженная (въ смыслѣ неотысканія преступника) кража предметовъ, связанныхъ съ поземельною собственностью (медъ изъ борти, звѣрь и птица изъ сѣти), когда слѣды воровства приводили къ землѣ общины,

Это равенство и постоянство участка (обработанной земли) обусловливало въ свою очередь равенство въ гражданскихъ правахъ и обязанностяхъ по отбыванію повинностей и податей, связанныхъ съ владѣніемъ землею [1]). Такіе одинаковые жеребьи („дымы“ на югѣ Россіи, „дворы“, „выти“ и „обжи“ на сѣверѣ и въ средней полосѣ) были, съ незапамятныхъ временъ, разграничены межами [2]). Одно изъ поселеній верви, наиболѣе выгодно расположенное, около рѣки или озера, и огороженное въ цѣляхъ военной защиты, превращалось, выражаясь современнымъ языкомъ, въ административно-хозяйственный центръ (средоточіе), къ которому весь народъ, жившій въ другихъ выселкахъ, починкахъ, пригородахъ, тянулъ (посколько было силы въ центрѣ) со всѣми своими взаимными отношеніями и дѣятельностью, съ правами

или же были найдены на ея территоріи слѣды кражи (Карам. сп. 80, 88). Въ этихъ случаяхъ вервь должна была уплачивать (съ разсрочкою) „виру“ (пеню), а слѣдовательно считалась обязанной содѣйствовать обнаруженію преступленій; причемъ слѣдуетъ замѣтить, что эта вира платилась и за убійство „огнищанина“, „княжа мужа“ и за простолюдина (Троиц. сп. 3, Карам. сп. 3). Другое постановленіе „Правды“ еще болѣе указываетъ на духъ сотоварищества, развитой въ нашихъ древнихъ общинахъ. Это постановленіе относилось до уплаты общей („дикой“) виры цѣлою вервью (по круговой порукѣ), если убійца совершилъ преступленіе непредумышленно (на пиру, въ ссорѣ, въ дракѣ) и, какъ членъ общины, ранѣе вложился (по желанію) въ сотоварищество по уплатѣ въ такихъ случаяхъ виры. Головничество, т. е. вознагражденіе родственникамъ убитаго, выплачивалъ одинъ преступникъ. Также надлежитъ замѣтить правило, по которому содержаніе вирника (сборщика податей) лежало на общинѣ, пока эта пеня не была уплачена вервью; „Рус. Прав.“ по Академ. сп. 18, 19; Карамз. сп. 3, 4, 5, 6, 7, 8; Троиц. сп. 3, 4, 5, 6, 7, 8 (Срав. Соколовскаго, Очер. ист. сельск. общ., стр. 127—130; Соловьева, Ист. Россіи, т. I, 228; Калачева, Рус. Прав. 181, 185, 186, 187, 210, 217). Мы здѣсь вкратцѣ напомнимъ еще, что община призывалась во свидѣтельство совершенія каждаго гражданскаго акта; при совершеніи купли-продажи, договора о займѣ, договора о процентахъ—требовалось присутствіе свидѣтелей, которые въ то же время были и судьями относительно гражданской сдѣлки (Акад. сп. 14, Карамз. сп. 33, 36, 47, 119). Міръ общинный (Академ. сп. 12) выбиралъ для своихъ административно-полицейскихъ надобностей особыхъ старостъ (Академ. сп. 22). См. о назначеніи общественною властью опекуна (Карамз. сп. 111 и 115).

[1]) На сѣверѣ Олонецкой губерніи до сихъ поръ существуютъ подобныя общины („волостныя общины“), состоящія изъ нѣсколькихъ деревень (Соколовскій, ibid., стр. 66).

[2]) О разграниченіи въ древней Руси земель съ незапамятныхъ временъ „межами“ см. постановленія о семъ „Русской Правды“, списокъ Карамз. 83, 84. („Пред. юрид. свѣд. для полн. объясн. Русской Правды“, Н. Калачева, 1880 г., стр. 196). См. замѣчанія Бѣляева, Крест. на Руси, 18 и 19, и Соколовскаго, Очер. ист. сельск. общ., 60, примѣч.

и обязанностями (податями натуральными и денежными), а также судомъ [1]). Эти центральные пункты, удовлетворяя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ религіозному культу жителей, а также и промышленно-торговымъ цѣлямъ (погостье), служили мѣстомъ схода и избранія лучшихъ людей, облекаемыхъ временною властью (ad hoc) для приведенія въ исполненіе „мірскихъ постановленій“ и отправленія разныхъ общественныхъ службъ [2]). При помощи такой организаціи все бродячее еще неосѣвшее населеніе сдерживалось, обуздывалось и притягивалось къ осѣдлымъ мѣстамъ въ округѣ, подвластномъ общинѣ. Такія общины, соединявшіяся въ болѣе обширные территоріальные союзы—волости („жупы“ у другихъ славянъ) образовывали цѣлыя области, населенныя чаще всего однимъ какимъ либо племенемъ, политически обособленныя и находившіяся подъ властью мѣстнаго князя [3]).

Вѣче.

Древнѣйшія свѣдѣнія, занесенныя въ лѣтописи, показываютъ всю совокупность славяно-русскихъ племенъ, жившихъ по разнымъ от-

---

[1]) Огороженныя села—тѣ же города въ древности; Соловьевъ, Ист. Россіи, т. I, стр. 222. О связи древне-русскаго города со всѣмъ сельскимъ бытомъ и происхожденіи его изъ сельской общины см. у Лешкова въ указан. ст. „Общ. бытъ древ. Россіи“. Зарожденіе такихъ городовъ принадлежитъ глубокой древности,—замѣчаетъ Забѣлинъ, Ист. рус. жизни II, 351. Иностранные писатели среднихъ вѣковъ упоминаютъ о невѣроятномъ множествѣ городовъ, принадлежавшихъ славянскимъ племенамъ юго-западной Россіи. Такъ, сочинитель географическихъ Мюнхенскихъ записокъ, жившій прежде Нестора, говоритъ о Бужанахъ, или Волынцахъ, жившихъ по р. Бугу: „Бужане имѣютъ 231 городъ“ (civitates). Съ достовѣрностью можно предполагать, что подъ городами разумѣются здѣсь центральныя мѣста общинъ; Иванишевъ, О древ. сельск. общ. въ ю.з. Россіи, „Рус. Бесѣда“ 1857 г. кн. VII. Отрывокъ изъ этихъ записокъ приведенъ у Котляревскаго, Древ. прав. балт. слав. стр. 34, примѣч. 56. О городахъ до Рюрика, см. Бѣляева, Временникъ, кн. 14.

[2]) Посадники, тысяцкіе, сельскіе старосты, сотскіе упоминаются уже въ Русской Правдѣ, а равно въ ней говорится о ремесленникахъ, ремесленницахъ и купцахъ; см. Калачева, Свѣд. о Рус. Прав.; стр. 125, 126; о древнемъ мірскомъ сходѣ см. у Соколовскаго, Очер. ист. сельск. общ., стр. 134—137. „Лучшіе люди“, державшіе землю древлянъ; Лавр. лѣт. 24.

[3]) Каждый изъ народцевъ составлялъ уже до нѣкоторой степени политическую единицу, подъ названіемъ „земли“; Костомаровъ, Начало единодерж. въ древ. Руси, въ истор. моногр. т. XII, 7. Бестужевъ-Рюминъ, Рус. ист. т. I, стр. 44 и 46. Изъ мѣстныхъ князей извѣстны: Малъ у древлянъ. См. свѣдѣнія о славянской жупѣ и жупанахъ у Ибнъ-Доста, Гаркави, Сказ. мусульм. писат. о слав. и руссахъ, стр. 266.

дѣльнымъ областямъ, граждански свободнымъ народомъ, причемъ эта свобода всего полнѣе обнаруживалась въ существовавшемъ во всѣхъ областяхъ правѣ старѣйшихъ въ семьѣ сходиться на обще-народную думу, на „вѣче“, для рѣшенія общественныхъ дѣлъ. Народное собраніе „гражданъ“, „гражанъ“ (какъ называютъ ихъ лѣтописи, см. Лавр. подъ 1097, Новгор. IV, 1399), составлялось не по внѣшнему приказу, а по присущему народу праву, по мѣрѣ надобности, и не чрезъ представителей, а поголовно; это собраніе рѣшало, при условіи единогласія или подавляющаго большинства, вопросы первостепенной государственной важности, какъ то: о призваніи князя и о „рядѣ“ („порядѣ“) съ нимъ, закрѣпляемомъ взаимнымъ крестнымъ цѣлованіемъ, о мирѣ и войнѣ, объ управленіи и судѣ. Повсемѣстное существованіе въ древней Руси такихъ „вѣчъ“ всего краснорѣчивѣе и лучше свидѣтельствуетъ о высокой степени гражданственности въ русскомъ народѣ. На своихъ вѣчахъ полноправные граждане, выслушивая своихъ старѣйшихъ съ „вѣчевой степени“, или особаго помоста, пріучались къ личному и непосредственному участію въ общественныхъ дѣлахъ, привыкали разсуждать объ общихъ интересахъ и, при разрѣшеніи ихъ, не довольствовались безжизненнымъ принципомъ ариѳметическаго счета голосовъ (баллотировкой), который никогда не даетъ необходимой увѣренности, что полученное большинство (особенно при перевѣсѣ небольшого числа голосовъ) вмѣстѣ съ тѣмъ и морально настроенное большинство [1]).

---

[1]) Важнѣйшія положенія, высказанныя Сергѣевичемъ въ сочиненіи „Вѣче и князь“ (цит. по изд. 1867 года), сводятся къ слѣдующему: 1) Вѣче не создано княземъ; оно составляло первоначальную форму быта (стр. 1); 2) по свидѣтельству лѣтописца (Суздальскаго), втор. полов. XII в., во всѣхъ волостяхъ (областяхъ) тогдашней Россіи существовалъ старинный обычай сходится на вѣче, какъ на думу (стр. 19); вѣчевой бытъ былъ явленіемъ необходимымъ въ древней Руси, а потому и всеобщимъ (стр. 20); 3) участіе въ вѣчевыхъ собраніяхъ понималось въ древней Руси, какъ право, которое принадлежало всѣмъ свободнымъ (стр. 41); 4) при жизни отцовъ дѣти не участвовали въ народныхъ собраніяхъ (стр. 43); 5) вѣче—есть форма непосредственнаго участія народа въ общественныхъ дѣлахъ, а не чрезъ представителей (стр. 57); 6) для обязательности рѣшенія вѣча необходимо было подавляющее большинство (стр. 53). О порядкѣ созванія вѣча, мѣстѣ его, продолжительности, порядкѣ совѣщаній, предметѣ вѣдомства, см. стр. 51—85 (по изданію 1893 г., юрид. древ., II). Костомаровымъ (Ист. моногр. т. XII, 23) высказано: „вѣча существовали въ незапамятныя времена; варяжскіе князья не уничтожили этого кореннаго признака славяно-русской жизни, да и не могли, и не старались его уничтожить въ ту эпоху, когда власть княжеская ограничивалась собираніемъ дани“; о сельскихъ вѣчахъ

Самый актъ призванія власти извнѣ, который, какъ извѣстно, совершился по народному рѣшенію сѣверныхъ племенъ во второй половинѣ IX вѣка и имѣлъ рѣшительное послѣдствіе для политическаго строя всей русской земли, обнаруживаетъ въ этихъ племенахъ высокую степень гражданской самобытности. Несомнѣнно, что, призывая власть (въ лицѣ князя) и передавая ей по договору управленіе и судъ, эти племена хотѣли водворить у себя государственный порядокъ для защиты того общественнаго строя, которымъ они всего болѣе дорожили. Лѣтописное сказаніе объ этомъ призваніи и о временахъ непосредственно за нимъ слѣдовавшихъ поучаетъ насъ, что русское государство создалось не путемъ завоеванія, а путемъ „добровольнаго“ призыва власти, и потому право на поземельную собственность не сдѣлалось въ древней Руси исключительнымъ правомъ привилегированныхъ сословій, каковыхъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, не существовало на Руси до самаго конца княжескаго періода [1]).

Народъ русскій, сохраняя за собой право на землю и свое общинное устройство, долгое время удерживалъ свою гражданскую свободу, обезпечивавшую не только неприкосновенность личности, но даже и неприкосновенность жилищъ домохозяевъ [2]).

Со времени появленія варяго-русскихъ князей и упроченія государственной власти на Руси, само собою упразднилась мѣстная территоріальная власть, представителями которой (въ лицѣ, быть можетъ, мѣстныхъ славянскихъ князей, стоявшихъ во главѣ тогдашнихъ во-

---

см. стр. 31. Типично выразилась народная воля при избраніи на Кіевскій столъ Владиміра Мономаха, а также затѣмъ въ 1146 г. при избраніи Ростислава. Граждане прямо высказались, что не желаютъ переходить отъ одного князя къ другому въ видѣ наслѣдства въ частномъ быту. О вѣчевомъ помостѣ см. Забѣлина, Ист. русс. жизни, II; 403. Объ участіи народа въ государственныхъ договорахъ см. договоры Олега и Игоря съ греками.

[1]) Древняя Россія не знала сословій; это явленіе царской эпохи нашей исторіи; только первые зародыши его относятся къ концу княжескаго періода; Сергѣевичъ, Вѣче и князь, 31; см. согласное мнѣніе Костомарова, Ист. моногр. т. XII, 55.

[2]) Пришлая власть не измѣнила древнихъ народныхъ обычаевъ и быта, не приносила съ собой ничего существенно новаго, и народы, при благопріятныхъ условіяхъ, могли впослѣдствіи развиваться на собственныхъ началахъ; „земли (области, отдѣльныя княжескія) оставались съ своимъ самоуправленіемъ; варяжскіе князья, владѣя славянскими народами, не требовали отъ нихъ существенныхъ измѣненій быта“, Костомаровъ, Ист. моногр т. XII, стр. 11. См. мнѣніе Бѣляева, Крест. на Руси, стр. 20, 21. О неприкосновенности жилищъ см. ст. 58 Троиц. и 16 Академ. списковъ Русской Правды.

лостей), какъ видно изъ акта призванія 862 года, народцы, участвовавшіе въ немъ, не были довольны, за неумѣніемъ и безсиліемъ этихъ властей, водворить и поддержать у нихъ порядокъ. Но съ упраздненіемъ этой мѣстной власти и съ передачей призванному князю высшаго управленія и суда, предводительства на войнѣ, права назначенія должностныхъ лицъ и собиранія дани, русскій народъ долгое время сохранялъ за собой вѣчевое право призванія къ себѣ князей и вступленія съ ними въ „рядъ“ (то есть въ договорныя условія). Это вѣчевое право повсемѣстно осуществлялось въ разныхъ удѣлахъ Россіи до самаго татарскаго нашествія, а въ Новгородской и Псковской областяхъ, гдѣ народъ даже не передавалъ всецѣло князьямъ, какъ въ другихъ частяхъ Россіи, управленія и суда,—до конца XV и начала XVI вѣковъ [1]).

Поземельное устройство.

Съ перемѣной высшаго управленія произошла и перемѣна въ поземельномъ устройствѣ на Руси. Она заключалась въ томъ, что рядомъ съ общинными землями появились земли крупныхъ вотчинниковъ, въ числѣ которыхъ на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить самого князя, а затѣмъ его дружинниковъ и бояръ. Князь въ дотатарское время не былъ вотчинникомъ всей территоріи своего удѣла или княжества, и, какъ въ настоящее время въ исторической наукѣ считается доказаннымъ, онъ, получивъ отъ всей „земли“ власть, правилъ и защищалъ свою страну на правахъ ея господина. „Земля ему не принадлежала, земля была сама себѣ государь“, какъ говоритъ Костомаровъ въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи: „Начало единодержавія въ древней Руси“ [2]). Но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ,

---

[1]) См. сочин. Сергѣевича, Вѣче и князь, стр. 20—22, 70, 72, 75; признаніе того или другого князя наслѣдственнымъ неизвѣстно древней Руси. На всемъ сѣверѣ, въ обширныхъ Новгородскихъ и Псковскихъ областяхъ, князь и народъ были двумя факторами государственной жизни, причемъ народъ сохранилъ за собой, помимо князя, право, какъ въ управленіи (назначеніе высшихъ сановниковъ, посадскаго и тысяцкаго), такъ и въ судѣ (надъ этими сановниками). Юрид. древн. II, 38, 50.

[2]) Костомаровъ указываетъ прямо на отсутствіе вотчиннаго права въ княжескомъ управленіи (Ист. моногр. т. XII, стр. 38) и на заблужденіе тѣхъ, кто воображалъ, что древніе князья были вотчинниками или владѣльцами своихъ удѣловъ (ст. 41); князь—правитель земли, а не владѣлецъ (ст. 51); власть князю давалась землею вездѣ и зависѣла отъ нея (ст. 43, 49); см. въ особенности стр. 69 и 86. Быть государемъ—не значило еще быть собственникомъ всей госу-

что древне-русскіе князья—съ принадлежащими имъ на правѣ полной собственности селами, деревнями, дворами, угодьями, охотами,—являлись крупными собственниками землевладѣльцами, настолько крупными, что могли, при многоземельности въ древнюю эпоху, совершенно свободно выдѣлять и жаловать своей дружинѣ и служилымъ людямъ большія имѣнія, которыя поступали къ этимъ послѣднимъ, либо въ полную собственность, либо на правѣ пожизненнаго пользованія („до отъѣзда“ со службы князя).

Послѣ введенія христіанства, князья надѣляли имѣніями и высшее духовенство, монастыри и церкви [1]). По замѣчанію историковъ, выдѣленіе земель въ пользу князя, дружинниковъ, церкви, началось однако не ранѣе XI вѣка, и тогда уже образовались разныя категоріи земель: общинныя (черныя, тяглыя) и вотчинныя, принадлежащія князю, боярамъ, служилымъ людямъ, церкви (владычныя, монастырскія), и даже, въ видѣ мелкихъ участковъ („собины“), простымъ людямъ (своеземцамъ) [2]). Такое появленіе крупныхъ вотчинниковъ и

дарственной территоріи; таковъ взглядъ Московскаго государя второй половины XV вѣка; Сергѣевичъ, Юрид. древн. I, 74. Противоположный взглядъ проводится въ монгольскомъ государственномъ правѣ, см. Неволина, Ист. русс. гражд. закон. т. II, стр. 136 и послѣд.

[1]) Надѣленіе Изяславомъ Кіево-Печерскаго монастыря землею, лежавшей впустѣ; Лавр. лѣт. 68. См. о выдѣленіи земель въ пользу князя, дружинниковъ, церкви,—стат. Кавелина, поземельная община въ древней и новой Россіи, „Вѣст. Евр.“, 1877 г. май; Лешкова, Рус. нар. и госуд. стр. 163; Градовскій, Ист. мѣст. управ. стр. 11.

[2]) Соловьевъ (Ист. Россіи, т. I, стр. 213) замѣчаетъ, что наши дружинники не могутъ имѣть значеніе дружинниковъ западныхъ; они не могли явиться для того, чтобы дѣлить землю, ими не завоеванную. Княжьи посадники и намѣстники водворялись въ правительственныхъ центрахъ съ характеромъ правительственнымъ, а не владѣльческимъ. Княжьи мужи, дружинники получали отъ князя содержаніе: пищу, одежду, коней и оружіе (215). Бѣляевъ, (Крест. на Руси, стр. 21) замѣчаетъ, что князья оставляли землю за прежними владѣльцами; они постоянно покупали земли у частныхъ собственниковъ. Далѣе, этотъ историкъ указываетъ на пріобрѣтеніе поземельной собственности дружинниками общими гражданскими способами пріобрѣтенія.

Даже Чичеринъ, поднявшій извѣстный споръ съ Бѣляевымъ о сельской общинѣ въ Россіи, и утверждавшій въ своихъ статьяхъ (см., напр., „Опыт. по ист. рус. права“, 1858 г., „Еще о сельской общинѣ“—отвѣтъ г. Бѣляеву) о полной принадлежности земли князю, какъ послѣдствіе завоеванія, тѣмъ не менѣе допускалъ, что князья, въ первое время занимаясь родовыми счетами и ища съ дружиной добычи, мало дорожили землей; довольствуясь данью, они не вмѣшивались во внутренній распорядокъ общинъ (стр. 93). Также этотъ писатель находитъ многочисленные примѣры того, что частныя земли прямо отличаются отъ княжеской

поселеніе на ихъ земляхъ крестьянъ на договорномъ правѣ или подъ оброкомъ (ролейные закупы, наймиты, половники) нисколько не нарушало общиннаго строя жизни этихъ послѣднихъ; они на общинныхъ и на владѣльческихъ земляхъ составляли свои общины. Русская общинная жизнь съ упраздненіемъ прежней территоріальной власти сосредоточилась въ болѣе мелкихъ общинахъ, какъ городскихъ, такъ и сельскихъ, съ ихъ „выборными людьми“—сотскими и старостами во главѣ, которые вѣдали хозяйственно-административныя и полицейскія дѣла общинъ (натуральныя и денежныя повинности, оброки, кормы), а также присутствовали въ качествѣ „судныхъ мужей“ на судѣ княжескихъ чиновниковъ (намѣстниковъ—въ городахъ, или волостелей—въ волостяхъ) и защищали, по мѣрѣ силъ и возможности, дѣла общинъ предъ правительственной властью и господиномъ [1]).

Гражданская свобода русскаго народа.

Обозрѣвая общественное положеніе въ удѣльно-княжескій періодъ русскаго народа, въ цѣлой его совокупности, видимъ, что онъ съ эпитетомъ свободный, вольный, и подъ общимъ наименованіемъ „людей“ (людіе), „мужей“, дѣлился на классы или слои, и главное дѣленіе его: на „лучшихъ“ (вячшихъ, старшихъ), „среднихъ“ (житьихъ людей) и „меньшихъ“ (молодшихъ) не обосновывалось на какихъ либо привилегіяхъ и сословно-исключительныхъ правахъ этихъ лучшихъ людей. Разница въ правахъ меньшихъ (черныхъ людей, смердовъ) и лучшихъ (бояръ, княжихъ мужей) была не качественная, а количественная (экономическая), и преобладаніе послѣднихъ основывалось на ихъ внутреннихъ достоинствахъ и на успѣшности выполненія ими личныхъ обязанностей по отношенію къ отечеству, въ смыслѣ

вотчины (78), и что частныя села князья нерѣдко покупали у владѣльцевъ, обращая въ полную свою собственность, которой они могли уже распоряжаться, какъ хотѣли, и съ которой могли требовать не только суда и дани, но и всякихъ другихъ повинностей (80). „О собинахъ“ см. Акты юридич. № 3.

[1]) См. о правахъ и обязанностяхъ въ княжескую эпоху выборныхъ людей старостъ, и о посредничествѣ общинъ, у Бѣляева, „Крест. на Руси“, стр. 30, 55. Бѣляевъ говоритъ: (112) „община не только раздавала участки своихъ земель крестьянамъ, но и защищала свои земли отъ присвоенія ихъ посторонними людьми или вѣдомствами, подавала челобитныя судьямъ или государю, тягалась за свои земли на судѣ и вообще была хозяиномъ своихъ земель“. О сотскихъ и старостахъ, ихъ обязанностяхъ, избраніи, и т. п. у Сергѣевича, „Вѣче и князь“, стр. 343, 374—376. Срав. ст. „Рус. пр.“, Академ. списокъ 22.

службы, управленія и его защиты [1]). При такомъ общественномъ строѣ весьма естественно, что на какой бы землѣ, владѣльческой или общинной, ни сидѣли люди, ихъ личныя, имущественныя и общественныя права уважались закономъ и обычаемъ, и они рѣзко отличались отъ несвободнаго класса населенія (рабовъ, холоповъ, челяди) [2]) Меньшіе люди пользовались свободнымъ переходомъ съ одной земли на другую; подчинялись общему, равному и для прочихъ классовъ населенія, суду (Акад. сп. 31, Троиц. сп. 71),—гдѣ свидѣтельство меньшихъ принималось вмѣстѣ со свидѣтельствомъ большихъ (Троиц. сп. 59); для народа не былъ закрытъ доступъ въ высшіе слои общества, какъ то: въ духовный, купеческій и служилый кругъ [3]); меньшіе люди могли торговать и заниматься всякими промыслами [4]); отношенія сельчанъ къ господину, если они въ качествѣ рабочихъ поселялись на его землѣ по найму (ролейные закупы, наймиты, и половники), были свободныя, договорныя, съ правомъ ограждать отъ господина свои интересы предъ княжескимъ судомъ, который „давалъ имъ правду“ (Троиц. сп. 52—55, Карамз. 70) [5]); личность крестьянина уважалась, и по закону назначалась пеня за его безчестіе и обиду (Акад. 31, Троиц. 55); его личная собственность была ограждена (Карамз. 71, 72 и 73); онъ могъ, имѣя семью, распоряжаться своею движимостью и недвижимостью на правѣ полной собственности, какъ при жизни, такъ и на случай смерти (Карамз. 103); точно также онъ свободно распоряжался правомъ владѣнія и пользованія своимъ надѣльнымъ участкомъ общинной земли.

---

[1]) Сергѣевичъ, Вѣче и князь, 38 (таблица классовъ населенія), Юрид. древн. I, 161; Костомаровъ, Ист. моногр. т. XII. стр. 57—59; Бѣляевъ, Крест. на Руси, стр. 11 и 12.

[2]) См. отличія свободнаго класса населенія отъ несвободнаго по постановленіямъ „Русской Правды“; Калачева, Рус. Прав., стр. 126, 127, 132—134, 135. 141—145, 157, 159, 160, 164, 165, 168, 183, 201, 204, 212, 215, 224 и 228.

[3]) Бояре встрѣчаются въ числѣ купецкихъ старостъ, житьихъ людей (т. е. зажиточныхъ); дѣти священниковъ—въ отдѣлѣ бояръ, купцевъ и черныхъ людей. Бояре изъ племени смердовъ; Сергѣевичъ. Юрид. древн. I, стр. 173, 193. См. Никитскаго, Св. Великій Иванъ на Опокахъ, Ж. М. Н. П., 1870 г. № 8. См. также у Бѣляева, Крест. на Руси, стр. 49, 50. См. „Русскія достопамятности“ 1815 г. ч. I, стр. 110 и Акт. Арх. Эксп., т. I, № 9. Весьма важно сопоставить права этихъ „меньшихъ людей“ на Руси въ эпоху „Русской Правды“ съ западнымъ законоположеніемъ, по которому одно пребываніе свободнаго человѣка на господской землѣ 1 годъ и 1 день дѣлало его рабомъ.

[4]) Сергѣевичъ, Вѣче и князь, 35.

[5]) Бѣляевъ, Крест. на Руси, 22—27; Сергѣевичъ, Юрид. древн. I, закупы, стр. 176.

Однимъ словомъ, крестьяне въ эпоху „Русской Правды“ были полноправными гражданами въ государствѣ.

Всей этой свободой русскіе люди были обязаны „общинѣ“, отсутствію сословныхъ преградъ, своему исконному праву вступать въ договорныя отношенія по владѣнію земельными участками со всякимъ ихъ собственникомъ, и, наконецъ, достаточно развитому самоуправленію въ земскихъ дѣлахъ [1]). На всемъ протяженіи древне-русской жизни, почти до конца XVI столѣтія, крестьяне-домохозяева продолжали пользоваться гражданскою свободою. Высшая правительственная власть не уничтожала общины; она понимала, что это ея лучшій союзникъ [2]). Хотя татарское нашествіе, а затѣмъ невыносимая тяжесть податей и повинностей, вмѣстѣ съ переходомъ почти всѣхъ земель на вотчинномъ правѣ къ государямъ, а отъ нихъ—„въ кормленіе“ и въ „помѣстье“ высшему правящему сословію,—привели постепенно русское крестьянство къ обѣдненію, а его общину, лишившуюся „своихъ собственныхъ общинныхъ земель“, къ болѣе тяжелому положенію, но крестьянское самоуправленіе и выборный судъ не только не ослабѣвали за это время, а напротивъ того, ко времени изданія Судебниковъ 1497 и 1550 годовъ, достигли своего высшаго процвѣтанія [3]).

---

[1]) Бѣляевъ, Крест. на Руси, 75. Эти договорныя права нашли себѣ ясную нормировку въ Псковской судной грамотѣ; см. ст. 40, 42, 43, 44, 51, 63, 75, 84, 85, 86, 87.

[2]) Мы твердо убѣждены, что Московскіе государи не выдумали „общину“, а считая для себя выгоднымъ найденную ими форму поземельнаго владѣнія крестьянъ, укрѣпляли ее въ своихъ владѣніяхъ, и когда ими завоевана была Новгородская земля (гдѣ по новѣйшимъ изысканіямъ нашего ученаго Сергѣевича преобладала фермерская система хозяйства, см. его статьи въ Ж. М. Н. П., 1901 г. фев. мартъ), то тогда ими создана была тамъ „крестьянская община“.

[3]) По мнѣнію Костомарова (Истор. моногр, т. XII, 94) татарскіе ханы сдѣлали князей изъ правителей земель—вотчинниками ихъ. Только въ сѣверныхъ областяхъ (Поморскихъ, въ Обонежской пятинѣ—Олонецкой губерніи—въ Архангельскомъ краѣ) сохранились черносошные крестьяне на земляхъ, не розданныхъ въ помѣстья и вотчины, тогда какъ въ остальной Россіи все сельское населеніе раздѣлялось (въ XVII в.) на дворцовыхъ, церковныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ; см. Чичерина, Опыты по ист. рус. пр. 1858 г., стр. 101; также Соколовскаго, Очеркъ ист. сельск. общ. 12, 19, 20; на стр. 152 указывается о принадлежности земли на правѣ собственности цѣлому населенію въ казацкихъ областяхъ (Донской и Уральской).

„Община“—въ эпоху изданія Судебниковъ.

Въ эту эпоху каждая городская или сельская крестьянская община, расположенная на черныхъ земляхъ, или же на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, представляла изъ себя органически связанное цѣлое, не замкнутое, а съ свободнымъ входомъ и выходомъ изъ состава общины; отношенія крестьянина къ общинѣ и къ помѣщикамъ были свободныя, договорныя; дѣленіе въ общинѣ членовъ по разрядамъ шло также естественнымъ путемъ, а именно: по достоинству и качеству люди дѣлились на лучшихъ (старшихъ) и на меньшихъ (рядныхъ), причемъ изъ лучшихъ выбирались „старосты, сотскіе,—излюбленные люди“, которые становились во главѣ общины и защищали ея членовъ, а также интересы общины, предъ властью правительственныхъ чиновниковъ и господъ [1]). Земледѣльческая община требовала отъ личности столько труда и подчиненія, сколько нужно было для дальнѣйшаго ея существованія, и затѣмъ уже однимъ своимъ бытіемъ въ состояніи была защитить своего члена такъ, какъ онъ не могъ этого сдѣлать самъ по себѣ. Вслѣдствіе такихъ организованныхъ отношеній и свободнаго выбора изъ собственной среды представителей и распорядителей, община несомнѣнно имѣла возможность проявлять и моральное воздѣйствіе на своихъ членовъ, понимавшихъ, въ свою очередь, что „мірскимъ путемъ“ возможно для слабой личности добиться большей справедливости и высшей правды. Крестьянскій міръ (земщина), въ лицѣ общины, противостоялъ міру вотчинниковъ, и высшая посредствующая между ними власть—государственная, для болѣе успѣшнаго отправленія своихъ функцій, иногда

---

[1]) „Крестьянскія общины были различны: у крестьянъ, живущихъ на черныхъ или общинныхъ земляхъ, самою большою общиною была волость, имѣвшая своего старосту; въ эту высшую общину тянули низшія общины: села и большія деревни, приписанныя къ волости и имѣвшія также своихъ старостъ, а къ селамъ тянули малыя деревни, починки и другіе мелкіе поселки;—у крестьянъ, жившихъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, общину составляла вотчина, т. е. всѣ села, деревни и починки, принадлежащіе къ одному имѣнію и находящіеся въ одномъ уѣздѣ“; Бѣляевъ, Крест. на Руси, стр. 39 и 40. Соколовскій (Очеркъ ист. сельск. общ., стр. 93) дѣлаетъ примѣчаніе: „не говоря уже о черныхъ, но и во владѣльческихъ деревняхъ, крестьянская земля, по прикрѣпленіи, строго отдѣлялась отъ земель вотчинника, обработываемыхъ несвободнымъ населеніемъ, и состояла въ общинномъ пользованіи“. – См. Судебн. I, 54, 57, 63; Ср. Судебн. II, 83, 84, 88, 89, а также 72, 73. См. также Акт. Юрид. 4, 6, 7, 8, 9, 11, 71, 151, 175, 187; Акт. Эксп. т. I, 20.

была даже заинтересована (напримѣръ, въ эпоху царствованія Іоанна IV) въ предпочтительномъ поддержаніи земщины и дарованіи ей автономныхъ правъ.

Правительство не могло не видѣть для себя всѣхъ выгодъ отъ преуспѣянія общинныхъ началъ въ русскомъ народѣ. При посредствѣ общины государственная власть легче всего могла выполнять многія свои задачи, а въ особенности фискальныя, при существованіи той юридической нормы, что повинности пріурочены къ землѣ, а не къ личности [1]). Община отвѣчала за исправный платежъ податей предъ правительствомъ и съ прекращеніемъ татарской переписи раскладка податей опять перешла въ вѣдѣніе общинъ [2]). Въ случаѣ выхода своего члена община раскладывала часть его платежа на остальныхъ членовъ, связанныхъ выгодною для фиска круговою порукою и, кромѣ того, могла принудительно водворить бѣглаго члена на прежнемъ мѣстѣ [3]). Чрезъ своихъ выборныхъ людей община, въ качествѣ полнаго хозяина, вела подробныя смѣты и исчисленія доходовъ своихъ членовъ, составляла чрезъ своихъ „окладчиковъ“ раскладки податей и давала казнѣ полный матеріалъ для составленія писцовыхъ книгъ, куда вносились свѣдѣнія о хозяйствѣ всѣхъ тягловыхъ (численныхъ) людей волости. Книгами этими разъ навсегда опредѣлялись права и обязанности крестьянъ и владѣльцевъ. Община содержала ямскую гоньбу и обезпечивала государству исправное выполненіе ямской и дорожной повинности, производившейся „всѣми людьми за одинъ [4])“. Находя къ тому же въ числѣ общинныхъ властей помощниковъ себѣ и для выполненія разныхъ полицейскихъ обязанностей, правительство, какъ великокняжеское, такъ въ особенности царское, предоставляло общинамъ, городскимъ и сельскимъ, свободное развитіе общинныхъ порядковъ, касавшихся самоуправленія и крестьянскаго суда, особенно въ виду крайняго произвола стоявшихъ „въ кормленіи“ правительственныхъ чиновниковъ „ради ихъ великихъ продажъ и убытковъ“. Въ правленіе Іоанна III было предписано закономъ, чтобы судъ намѣстниковъ и

---

[1]) Собираніе податныхъ денегъ (предоставлено) старостамъ и выборнымъ лучшимъ людямъ, за вѣрою и за выборомъ всѣхъ людей, чтобъ полные люди предъ бѣдными во льготѣ, а бѣдные предъ богатыми въ тягости не были и никтобъ въ избыли не былъ; Лешковъ, Рус. нар. и госуд. 259. „Сильнѣйшіе и богатѣйшіе не должны были скупать земель у слабѣйшихъ и бѣднѣйшихъ“, Неволинъ, Ист. граж. закон. II, 142.

[2]) См. Акт. Экспед. т. I, 268.

[3]) См. Акт. Экспед. I, 234; Дополн. къ Акт. Ист. т. I, 56, 117, 119.

[4]) Новгор. лѣт. 1572; Акт. Юр. 278; Акт. Ист. III, 47.

волостелей происходилъ по старинѣ, въ присутствіи выборныхъ „излюбленныхъ людей, посадскихъ и волостныхъ [1])“.

Относясь съ такимъ довѣріемъ къ общинѣ, Іоаннъ III, Василій Іоанновичъ, Іоаннъ IV предоставили ей серьезныя публичныя права; такъ, общинамъ городскимъ и сельскимъ—по губнымъ грамотамъ дозволено было входить съ ходатайствами объ освобожденіи ихъ отъ управленія и суда правительственныхъ чиновниковъ (намѣстниковъ и волостелей) и объ учрежденіи изъ всѣхъ сословій выборнаго управленія и выборнаго суда, органы которыхъ непосредственно сносились съ высшею правительственною властью и утверждались ею въ должностяхъ въ Москвѣ [2]). Въ эту эпоху процвѣтанія общиннаго строя земская служба старостъ, сотскихъ, излюбленныхъ судей, считалась „государевымъ дѣломъ“, а верховная власть признавала крестьянъ настолько полноправными гражданами, что въ грамотахъ своихъ цѣлому уѣзду не отличала крестьянъ отъ высшихъ сословій и писала эти грамоты всѣмъ имъ вмѣстѣ [3]). Однимъ словомъ, крестьяне поставлены были въ непосредственное отношеніе къ верховной власти.

Подводя итоги изложенному выше объ историческомъ прошломъ общины, мы встрѣчаемся съ нижеслѣдующими типическими ея особенностями (въ эпоху XIV—XVI в.): 1) владѣніе и пользованіе „сообща“ землей, предоставленной государствомъ и вотчинниками крестьянскимъ обществамъ (черныя и владѣльческія общины), причемъ, по возможности, одинакія части этой земли, пахотныя и сѣнокосныя, поступали во владѣніе и пользованіе (потомственное) отдѣльныхъ членовъ общины подъ условіемъ тянуть тягло, т. е. исполнять всѣ лежащія на общинѣ обязанности и повинности соразмѣрно величинѣ полученнаго земельнаго участка-жеребья („выти“, „двора“), а прочія разныя угодья (лѣса, воды, выгонъ, луга и т. п.) поступали въ общее и нераздѣльное пользованіе всѣхъ членовъ общины; [4]) 2) связь всѣхъ надѣлен-

---

[1]) Акт. Экспед. I, 92, 242, 243, 257; т. III, 35, 36; Акт. Ист. I, 105; Судеб. 1497 г. ст. 38; Судеб. Цар. 62, 68; Бѣляевъ, О поземельн. владѣн. 6.

[2]) Бѣляевъ, Крест. на Руси, стр. 58 и послѣд.; Соколовскій, очер. Ист. сельск. общ. 142—158. Акт. Экспед. I, 242, 243, 300; т. II, 19; Дополн. къ Акт. Ист. I, 45; Сергѣевичъ, Юрид. древн. I, 339, 340.

[3]) Акт. Экспед. I, 242, 243, 256.

[4]) Владѣльческіе крестьяне, наряду съ черными, платили государственныя повинности; законодательство ихъ не различало. См. О разложеніи намѣстническаго корма, Акт. Эксп. I, 123 (Градовскій, Ист. мѣст. учрежд. 97). Холопъ не платилъ повинностей. Въ началѣ всякая земля несла подати. Бѣлыя земли образовались впослѣдствіи. Подати отбывались посошно съ черныхъ и владѣль-

ныхъ земельными участками членовъ общины круговою между ними порукою для обезпеченія правильнаго выполненія повинностей и уплаты податей (раскладка податей и повинностей по животамъ и промысламъ); 3) свободный входъ въ составъ общины и выходъ изъ него въ указанные сроки (въ Юрьевъ день осенній, и о Филипповѣ заговѣньѣ), причемъ входъ обусловливался принятіемъ на себя обязательства участвовать, соразмѣрно величинѣ тягловой земли, во всѣхъ общинныхъ повинностяхъ и податяхъ („разрубахъ и разметахъ"), а выходъ—предварительнымъ разсчетамъ съ общиной (или помѣщикомъ) и уплатой недоимокъ („обѣленіе участка"); [1]) 4) совѣщаніе („сельское вѣче") всѣхъ взрослыхъ и активныхъ членовъ общины, по мѣрѣ надобности, для разрѣшенія мірскихъ дѣлъ единогласно или подавляющимъ большинствомъ голосовъ; 5) избраніе по достоинству представителей общины (старостъ—въ волостяхъ, и сотскихъ—въ городахъ), а равно судей и другихъ должностныхъ лицъ для отправленія мірской службы (въ томъ числѣ и земскаго (губного) дьяка, т. е. волостного писаря); 6) собственное управленіе и собственный судъ чрезъ выборныхъ „излюбленныхъ" членовъ общины; 7) равныя права всѣхъ членовъ общины при участіи въ мірскихъ выборахъ; 8) свободное распоряженіе каждаго члена общины своимъ личнымъ имуществомъ, а равно и свободное распоряженіе своимъ правомъ на владѣніе и пользованіе „общиннымъ" участкомъ земли [2]) и 9) наблюденіе за тишиной и порядкомъ, а также за нравственностью своихъ членовъ, и изданіе соотвѣтствующихъ этой задачѣ правилъ и постановленій [3]).

ческихъ земель. Крестьяне боярскихъ и монастырскихъ земель несли одинакія повинности съ черными; нерѣдко составляли одну волость съ черными (Акт. Эксп. 52, 53, 69; Акт. Ист. 15, 49.). Бѣляевъ, Крест. на Руси, 44. Уничтоженіе черныхъ общинъ—явленіе позднѣйшее.

[1]) На владѣльческихъ земляхъ выходъ обусловливался предварительнымъ разсчетомъ съ землевладѣльцемъ, т. е. уплатой „пожилаго" и „повоза" (пошлинъ установленныхъ Судебниками—I, 57 и II, 88), причемъ послѣдній сборъ назначался съ каждаго воза, на которомъ крестьянинъ увозилъ свои вещи.

[2]) Акт. Юрид., 23, 136; П. С. З. № 1157, указъ 1626 г. Улож., ц. Алек. Мих. XIX, 18.

[3]) См. заповѣдныя крестьянъ о запрещеніи работы по воскреснымъ днямъ, а также праздничнымъ, отъ 1590 и 1598 годовъ, въ Акт. Юрид. 358 (также 349, II). См. въ тѣхъ же Актахъ „поручныя", 301, 302 и др. Акт. Эксп. I, 244, 301. См. также любопытныя поручныя крестьянъ—прихожанъ, помѣщенныя въ Акт. Холмогор. и Устюж. епархій (Рус. Ист. Биб. т. XII, 162, 205). Въ первомъ актѣ прихожане поручались за своего односельчанина, подъ условіемъ уплаты

Закрѣпощеніе крестьянъ къ землѣ не уничтожило общинныхъ началъ.

До конца XVI вѣка наши общины продолжали пользоваться покровительствомъ высшаго правительства, и крестьяне, обладая личными, имущественными и общественными правами, были чрезъ общины настолько сильны и самостоятельны, что самое закрѣпощеніе ихъ къ землѣ (въ концѣ XVI вѣка) и послѣдовавшая затѣмъ болѣе чѣмъ двухвѣковая неволя, и даже окончательное обращеніе ихъ въ полную частную собственность помѣщиковъ (манифестомъ Петра III въ 1762 году и грамотою Екатерины II въ 1785 году), не могли подавить этихъ выношенныхъ историческимъ прошлымъ и повсюду въ Россіи распространившихся общинныхъ началъ. Эти жизненныя начала въ тяжелую эпоху XVII и XVIII вѣковъ сдерживали, поскольку могли, произволъ полноправныхъ владѣльцевъ-помѣщиковъ, и при помощи тѣхъ же началъ, способствовавшихъ введенію „земельныхъ передѣловъ“, было, по возможности, смягчено то неравенство, которое вносилось въ крестьянскій міръ установленіемъ подушной подати въ 1718 году [1]).

Общинное устройство въ западной Россіи.

Такой ходъ развитія получило общинное устройство въ Московскомъ государствѣ, и здѣсь обнаружилась вся его жизнеспособность; не менѣе живучимъ оказалось оно и въ Литовскомъ государствѣ. Правда, по замѣчанію Иванишева, съ присоединеніемъ древнихъ русскихъ областей къ Литвѣ и Польшѣ, общинныя земли частью отошли къ королевскимъ имѣніямъ, частью розданы были помѣщикамъ, городамъ, церквамъ и монастырямъ, а сельскія общины въ XVI и XVII вѣкахъ не имѣли уже правъ собственности на тѣ земли, которыя онѣ занимали, но общинныя начала продолжали еще жить въ русскомъ народѣ и не только были терпимы высшимъ правительствомъ, но даже въ формѣ стародавняго обычнаго права вошли въ законодательный памятникъ той эпохи, именно въ Литовскій Статутъ (изданія: 1529, 1566 и

пени („что архіерей укажетъ“), въ добромъ его поведеніи и исполненіи христіанскихъ обязанностей, а во второмъ актѣ помѣщены двѣ круговыхъ поручныхъ въ томъ, что крестьяне, въ нихъ перечисленные, явятся къ исповѣди и будутъ говѣть.

[1]) Народная перепись 1719 года впервые смѣшала крестьянъ съ холопами.

1588 г.г.) [1]). По изслѣдованію Иванишева, сельскія общины юго-западной Россіи, съ ихъ юридическими обычаями и самостоятельнымъ составомъ народнаго суда, носятъ въ себѣ признаки глубокой древности; съ большой вѣроятностью можно предполагать, что автономныя сельскія общины возникли еще въ то время, когда славянскія племена, населявшія нынѣшнюю юго-западную Россію, еще не были соединены государственнымъ союзомъ подъ верховною властью государей. Въ эпоху XVI вѣка сельскія общины юго-западной Россіи являлись въ различныхъ формахъ; въ рѣдкихъ случаяхъ одно селеніе со многими жителями составляло отдѣльную общину, а въ большинствѣ случаевъ общины заключали въ себѣ нѣсколько, отъ четырехъ до девяти, сосѣднихъ селеній („околичныя села“). Каждому селенію принадлежало извѣстное пространство земли, отдѣленное точными границами; совокупность земель, принадлежащихъ околичнымъ селеніямъ, составляла округъ сельской общины. Одно изъ селеній, составляющихъ общину, служило центральнымъ мѣстомъ, въ которомъ народъ собирался на совѣщаніе („сельское вѣче„), и это существовавшее съ незапамятныхъ временъ народное собраніе называлось „копа“ (также: „громада“, „великая громада“) [2]). Часто такое селеніе разросталось (по торгово-промышленнымъ причинамъ) и обращалось въ мѣстечко, а жители его получали званіе мѣщанъ, но они попрежнему входили въ составъ

---

[1]) Иванишевъ. О древн. сельск. общинахъ въ юго-зап. Россіи. „Рус. Бесѣда„ 1857, III, кн. VII.

[2]) Обыкновенно помѣщикъ распредѣляль землю между своими крестьянами такимъ образомъ: нѣсколько семействъ, соединивъ свой рабочій скотъ и какой у кого водился земледѣльческій капиталъ, составляли нѣчто вродѣ маленькой общины, товарищества и брали у владѣльца въ пользованіе себѣ одну волоку; потомъ, съ общаго согласія, раздѣляли ее на мелкіе участки, сообразно съ силами и средствами каждаго хозяйства, и каждая семья воздѣлывала свой уголокъ отдѣльно, помогая, въ случаѣ надобности, своимъ товарищамъ и отбывая повинности сообща; поземельный оброкъ за свою волоку вносило все товарищество вмѣстѣ; Мордовцевъ, Крест. въ юго-зап. Руси XVI в. Въ законѣ Винодольскомъ 1280 года народное собраніе называется „купъ“ или „вкупъ“ (Винодоломъ въ древнее время называлось часть Хорватской земли, находившаяся при морѣ.) У Сербовъ до сихъ поръ народное собраніе называется „скупъ“. См. Иванишева, О древ. сельск. общ. въ юго-з. Россіи, примѣч. 2, стр. 6, “Рус. Бесѣда“ 1857 г., кн. VII. Священники въ г. Псковѣ тоже соединялись въ „купы“, избирая своего поповскаго старосту; эта должность въ XVI в., по административному распоряженію, была введена во всемъ Московскомъ государствѣ. См. выраженіе „не вкупніи попы“, въ Полн. Собр. рус. Лѣт., т. V, стр. 22. О существованіи „копы“ и „копнаго суда“ въ Литвѣ см. у Нарбута „Dz. star. nar. Litew: т. III, Вильна, 1838 г. стр. 314, 315. Также у Ярошевича. Obr. Litwy“ т. I, стр. 159, 166.

общины [1]). Въ описываемую эпоху, т. е. въ XVI и XVII вѣкахъ, главная цѣль соединенія селеній въ общины состояла въ отправленіи народнаго общиннаго суда въ предѣлахъ общиннаго округа. Опубликованные недавно многочисленные приговоры этихъ стародавнихъ народныхъ судовъ, извѣстныхъ во всей западной Россіи (сѣверной и южной) подъ названіемъ „копныхъ судовъ", убѣждаютъ въ чрезвычайной живучести древнихъ русскихъ общинныхъ началъ, которыя, не смотря на всѣ политическіе перевороты испытанные западной Русью въ теченіи многихъ вѣковъ, дожили однако до XVII и даже до второй половины XVIII вѣка.

Копные суды.

Копные суды являются несомнѣнно типомъ того общиннаго народнаго суда, который со всѣмъ своимъ устройствомъ и производствомъ нашелъ такое яркое изображеніе въ постановленіяхъ Русской Правды. Въ указанномъ сочиненіи Иванишева, и въ особенности въ обстоятельно составленномъ предисловіи И. Спрогиса къ актамъ о копныхъ судахъ, опубликованнымъ въ актахъ Виленской Археологической Коммисіи, 1891 года, т. XVIII, подробно разбираются нѣкоторыя особенности „копнаго нрава", вошедшія въ правила Литовскаго Статута и сходныя съ соотвѣтствующими имъ постановленіями Русской Правды [2]).

---

[1]) Въ городѣ Луцкѣ, несмотря на право Магдебургское, которымъ онъ пользовался, предмѣстье его Окопища долгое время продолжало сохранять связь съ селеніями Вышками, Жиличиномъ, Теремнымъ и др. и составляло съ ними одну общину.

[2]) Въ Литовскомъ статутѣ, по свидѣтельству Иванишева (о древ. сельск. общ. въ юго-зап. Россіи) въ первый разъ находимъ ясныя и опредѣленныя свѣдѣнія о существованіи сельскихъ общинъ въ югозападной Россіи, объ ихъ древнемъ обычномъ правѣ и народныхъ собраніяхъ. Во всѣхъ трехъ редакціяхъ статута (1529, 1568 и 1588 г.г.) сельская община является не новымъ, а стародавнимъ установленіемъ. По замѣчанію Спрогиса (предис. къ XVIII т. Акт. Вилен. Арх. Ком., 1891 в.) Литовскій Статутъ взялъ копный судъ подъ свое покровительство и далъ ему свою санкцію.

Для примѣра, подтверждающаго полное сходство копнаго суда съ древнерусскимъ народнымъ судомъ, приведемъ обычай „отвода слѣда на копѣ" и уплаты пени тѣмъ селомъ, куда приведетъ копу слѣдъ преступника, если жители этого села „не выйдутъ на копу" по ея троекратному зову и „не возьмутъ слѣда". Сравни постановленіе Рус. Прав., стат. CXXX, по редакціи Калачева. Даже типичныя выраженія рус. прав., какъ, напр., „лице" (вещест. улика) „слѣдъ" и т. п. сохранились въ языкѣ копныхъ судовъ. Интересенъ также обрядъ „ставить шапку" (имъ пользовались какъ жалобщикъ, такъ и отвѣтчикъ) при важной ссылкѣ на

Здѣсь мы вкратцѣ упомянемъ что „копа“, по приглашенію обыкновенно потерпѣвшаго отъ преступленія, собиралась для суда подъ открытымъ небомъ, въ центральномъ мѣстѣ сельской общины, называвшемся „коповищемъ“, къ которому тянули по подсудности окрестныя села, мѣстечки, помѣщичьи дворы [1]). На копу имѣли право собираться и участвовать въ разрѣшеніи дѣлъ всѣ домохозяева общины, независимо отъ того, къ какому сословію они принадлежали (т. е. были ли они крестьяне, мѣщане или земяне, т. е. помѣщики); члены копы назывались „сходатаи“, „судьи-копные“, „панове-мужове“, „обчіе“ (т. е. общинные мужи). Вѣдомству копнаго суда подлежали, въ описываемую эпоху, всѣ лица простого сословія, имѣвшія осѣдлость въ округѣ сельской общины [2]). Копному суду были подсудны всѣ дѣла о потравахъ („испашь“), кражахъ, грабежахъ, поджогахъ, а также преступленія противъ жизни и здоровья, какъ то: убійства, чародѣйства, побои; кромѣ того, этому суду подлежали споры о поземельной собственности. Въ числѣ наказаній копный судъ былъ вправѣ примѣнять даже смертную казнь. Въ этомъ судѣ, руководившемся стародавними юридическими обычаями („водле стародавнее свыклости“, „звычаемъ русскимъ копнымъ“), первое мѣсто занимали старѣйшіе и опытнѣйшіе люди (старцы), которые и вводили порядокъ на совѣщаніяхъ этой громады [3]). Копные

свидѣтелей; иногда противная сторона приставляла свою шапку, т. е. соглашалась на допросъ тѣхъ же свидѣтелей.

[1]) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ коповище располагалось подъ дубами, какъ, напр., въ Дубровинскомъ имѣніи (въ Витебскомъ воеводствѣ), гдѣ даже одинъ дубъ носилъ названіе „присяжнаго“; ист. юрид. мат. Сазонова, т. XXVI, стр. 78, 84.

[2]) Помѣщики имѣли право, по добровольному согласію, предоставлять копѣ рѣшеніе споровъ, возникавшихъ между ними. По замѣчанію Спрогиса, въ большинствѣ случаевъ сами помѣщики обращались къ содѣйствію копнаго суда по своимъ нуждамъ и по нуждамъ ихъ крестьянъ. Несомнѣнное участіе „земянъ“ (помѣщиковъ) и вообще шляхты въ копныхъ собраніяхъ, совѣщаніяхъ и рѣшеніяхъ ясно усматривается изъ весьма многихъ документовъ. Иванишевъ указываетъ, что копа имѣла право производить слѣдствіе надъ помѣщикомъ. Обстоятельный актъ о копномъ судѣ—въ ист. юрид. мат. Сазонова, вып. XXV стр. 239.

[3]) Сверхъ сходатаевъ, въ народное собраніе приглашались люди изъ трехъ селеній сосѣдней общины, по одному или по два человѣка изъ каждаго селенія. Эти лица назывались „людьми сторонними“; они не участвовали въ совѣщаніяхъ и въ постановленіи приговора, но слѣдили за ходомъ дѣлъ въ народномъ собраніи, чтобы въ случаѣ надобности свидѣтельствовать о производствѣ дѣлъ и судебныхъ рѣшеній. На копѣ являлся и священникъ для приведенія къ присягѣ и въ качествѣ свидѣтеля (Иванишевъ, ibid.).

суды находились подъ высшимъ наблюденіемъ мѣстнаго гродскаго (уголовнаго) короннаго суда, который измѣнялъ, отмѣнялъ и утверждалъ приговоры копнаго суда, охотно подчинявшагося „большему разсудку“ этого высшаго суда. Для наблюденія за дѣйствіемъ копнаго суда, по просьбѣ истцовой или отвѣтной стороны, присутствовало на вѣчѣ или совѣщаніи особое лицо изъ гродскаго уряда—„возный“, „вижъ“,—дѣлавшій письменныя донесенія гродскому суду, который заносилъ, въ присутствіи лицъ выборныхъ отъ копы, приговоръ народнаго суда въ свои книги, преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемый уклонялся отъ исполненія приговора [1]).

Дѣйствія копныхъ судовъ (называвшихся иногда въ актахъ „свентой копой“, „русской копой“) проявлялись съ особенной силой и постоянствомъ въ тѣхъ мѣстностяхъ западной Россіи, которыя были густо населены русскимъ народомъ; такъ, изъ опубликованныхъ актовъ видно, что копные суды дѣйствовали въ воеводствахъ: Кіевскомъ, Волынскомъ, Подольскомъ, Бельзскомъ, Брестскомъ, Минскомъ, Трокскомъ; въ округахъ (повѣтахъ): Пинскомъ, Слонимскомъ; въ княжествѣ Слуцкомъ, и въ земляхъ: Львовской, Перемышльской, Саноцкой, Галицкой и Холмской;—однимъ словомъ, почти на всемъ пространствѣ сѣверо-западной и юго-западной Россіи. Большинство копныхъ документовъ (2/3) оказывается писаннымъ на русскомъ языкѣ, и только начиная съ половины XVII вѣка появляются документы, писанные по-польски.

Съ предоставленіемъ литовско-русскимъ городамъ Магдебургскаго права, городское народонаселеніе отдѣлялось отъ своей сельской общины, соединялось въ отдѣльныя корпораціи, учреждало особое управленіе и освобождалось, такимъ образомъ, отъ участія въ сельскихъ народныхъ собраніяхъ, а сельская община отъ такого выдѣленія изъ своей среды самой богатой и промышленной части населенія постепенно слабѣла [2]). Таковы были внутреннія причины распаденія общинныхъ началъ и учрежденій на западѣ Россіи; что же ка-

---

[1]) Въ прилож. I, помѣщенномъ въ указанномъ сочиненіи Иванишева. помѣщенъ актъ копнаго суда (Луцкаго повѣта) отъ 18 апрѣля 1564 г., который замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ собранія сельскихъ общинъ называются „вѣчами“.

[2]) Мѣщане, жившіе въ городахъ по праву Магдебургскому, отказывались отъ участія въ копахъ; Акт. Вилен. Арх. Ком. 1891 г. т. XVIII, предисл. стр. XXIX, док. № 148. Во второй половинѣ XVI в. весьма древнее русское право свободнаго какъ перехода одного помѣщика или владѣльца къ другому еще не угасло, какъ то видно изъ королевскаго указа 1567 г., Вилен. Акт. VI, № 1.

сается до внѣшнихъ причинъ этого упадка, то таковыми служили (особенно въ XVII вѣкѣ) съ одной стороны:—явный антагонизмъ польско-католическаго правительства всему русскому строю въ государствѣ, а съ другой—безконтрольная власть надъ крестьянами всесильныхъ пановъ—помѣщиковъ, шляхетская гордость которыхъ не допускала ихъ не только подчиняться приговорамъ этого всенароднаго суда, но даже и участвовать въ его составѣ наряду съ простыми крестьянами, очевидно преобладавшими по своей численности въ копныхъ собраніяхъ. Со времени явнаго преслѣдованія всего русскаго въ краѣ, именно въ XVII и въ XVIII столѣтіяхъ, русскія общинныя начала, нашедшія такое яркое проявленіе въ народномъ судѣ, должны были пасть. Ополяченные помѣщики запрещали своимъ крестьянамъ ходить въ народныя сельскія собранія и участвовать въ копныхъ судахъ, которые мало по малу прекращали свои дѣйствія и во второй половинѣ XVIII вѣка окончательно замерли [1]).

Учрежденіе различныхъ товариществъ на общинныхъ началахъ.

Всѣ указанныя выше существенныя черты нашего общиннаго устройства, какъ на востокѣ, такъ и на западѣ Россіи, а равно историческую его судьбу, необходимо имѣть въ виду при обсужденіи и выясненіи причинъ возникновенія, а также значенія и характера всякаго рода общественныхъ учрежденій, появлявшихся съ различными цѣлями на народной почвѣ. Община была школой, гдѣ воспитывался русскій человѣкъ, гдѣ онъ пріобрѣталъ сноровку въ рѣшеніи мірскихъ дѣлъ и въ устройствѣ общественныхъ союзовъ; въ общинѣ онъ на-

---

[1]) Иванишевъ въ приведенномъ выше сочиненіи, указавъ совершенно справедливо на гнетъ помѣщичьей власти на западѣ Россіи и на вредное и развращающее ея вліяніе на крестьянскій міръ, приводитъ нѣкоторыя несправедливыя рѣшенія копныхъ судовъ за позднѣйшее время. Не оспаривая положеній ученаго изслѣдователя, мы считаемъ, однако, небезполезнымъ привести здѣсь мнѣніе другого изслѣдователя о копныхъ судахъ Спрогиса (пред. къ т. XVIII Акт. Вил. арх. ком.), который, считая этотъ судъ, по быстротѣ и цѣлесообразности его дѣйствій, въ иныхъ случаяхъ незамѣнимымъ и способнымъ къ скорѣйшему раскрытію преступленій, приводитъ также примѣры изъ позднѣйшаго времени, свидѣтельствующіе о полномъ безпристрастіи и самостоятельности копнаго суда. Такъ, когда гродскій судъ Минскаго повѣта, въ 1601 году, постановилъ, чтобы копа вновь разобрала и разсудила одно дѣло, то копа рѣшительно отказалась отъ этого, заявивъ, что измѣнять своего перваго рѣшенія она не можетъ и не хочетъ; см. докум. въ указан. Акт. за № 186, отъ 1601 года.

ходилъ для того всегда образецъ для подражанія. Русскіе люди любили работать не въ одиночку, а сообща „міромъ“ и охотно соединялись по договору въ кружки, или союзы, для разныхъ цѣлей и предпріятій:—торгово-промышленныхъ, земледѣльческихъ, военныхъ, религіозныхъ; всегда и повсюду участники такого товарищества вносили въ его жизнь общинныя начала, вошедшія, такъ сказать, въ плоть и кровь русскаго человѣка. Началами же для такой добровольной организаціи служили тѣ же самыя, что и въ общинномъ устройствѣ, какъ-то: равноправность членовъ союза въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, отвѣтственность ихъ другъ за друга, договорная общность имущества, добровольное подчиненіе избранному старшинѣ (старостѣ, вожаку), свободное совѣщаніе по общимъ дѣламъ, однимъ словомъ—самоуправленіе въ дѣлахъ, а также собственный судъ надъ сочленами.

Говоря о поземельной общинѣ, мы уже упомянули, что членомъ ея признавался лишь тотъ, кто имѣлъ въ своемъ пользованіи и владѣніи участокъ общинной земли и кто пропорціонально величинѣ этого участка тянулъ во всѣ общинные разрубы и разметы. Только чрезъ отношенія къ тяглой землѣ можно было сдѣлаться членомъ общины; другихъ, такъ сказать, не активныхъ членовъ она не признавала. Конечно, въ общинѣ, какъ въ сельской, такъ въ особенности городской, проживали также и не тяглые люди, но всѣ они считались за какимъ либо активнымъ членомъ общины и проживали у него подъ его отвѣтственностью [1]). Это были разные пришельцы, пріемыши, бобыли, подсусѣдники,—носившіе общее типичное названіе „захребетниковъ“. Несвязанное съ общиною землею, это подвижное населеніе, пользуясь свободой, всего охотнѣе и скорѣе соединялось въ такъ называемыя „ватаги“ (позднѣйшее названіе—„артели“) для цѣлей промышленныхъ, охотничьихъ, земледѣльческихъ, а также торговыхъ,—благо торговать и промышлять могли въ старину всѣ вольные люди [2]). Изъ этой же вольницы создавались ушкуйническія шайки съ цѣлями военными и прямо разбойническими. Такія шайки въ XIV вѣкѣ составлялись, по всѣмъ вѣроятіямъ, тоже на артельныхъ началахъ изъ новгородскихъ удальцовъ, и разбойничали, имѣя во главѣ иногда даже бояръ,—на востокѣ Россіи, въ Двинской области (Заволочьи), и даже дѣлали на своихъ особаго устройства лодкахъ (ушкуяхъ) морскіе на-

---

[1]) Соколовскій, Оч. ист. сельск. общ., стр. 123, 125.

[2]) См. свѣдѣнія о древнихъ артеляхъ, помѣщенныя у Соколовскаго (ibid.), стр. 112—119. „Сябры“ были членами товарищества для покупки земель; работы на варницахъ производились по общему совѣту всѣхъ „сябровъ“.

бѣги на берега Мурмана, а всего чаще эти шайки, разгуливая по Волгѣ, нападали на купцовъ бесерменскихъ [1]).

Ближайшее знакомство со всѣми этими торговыми, промышленными, ремесленными ватагами (артелями) и даже паломничьими дружинами указываетъ, что всѣ онѣ, несмотря на разность цѣлей, устроялись на общинныхъ началахъ [2]).

Артели.

Встрѣчаясь еще въ глубокой древности съ самобытными рабочими, промышленными и торговыми „ватагами-складчинами", мы находимъ въ ихъ организаціи указанія на то, что они составляли въ полномъ смыслѣ слова товарищества равныхъ между собою лицъ, которыя договорились на равный трудъ въ видахъ общаго заработка, согласились отвѣчать другъ за друга („голова въ голову") и дѣйствовать въ принятомъ на себя предпріятіи „за одно", со взаимнымъ ручательствомъ („всѣ за одного и одинъ за всѣхъ"), причемъ всѣ эти товарищества имѣли всегда во главѣ избранныхъ старостъ („атамановъ", „ватамановъ"). Эти товарищества производили между своими членами постоянно правильный раздѣлъ („дуванъ") барышей и выгодъ, соразмѣрно труду каждаго и значимости этого труда въ „общемъ" дѣлѣ; всѣ товарищи участвовали также въ убыткахъ („кто будетъ въ лицахъ") [3]).

Въ Несторовомъ чтеніи о Борисѣ и Глѣбѣ разсказывается, какъ Изяславъ, задумавъ выстроить новую церковь (деревянную), призвалъ „старѣйшину древодѣлей"; а древніе акты, относящіеся къ XIII и XIV вѣкамъ, сообщаютъ свѣдѣнія о такихъ охотничьихъ ватагахъ, которыя

---

[1]) Объ ушкуйникахъ и ихъ набѣгахъ см. у Костомарова, Сѣв. рус. народопр., т. II, стр. 119.

[2]) См. интересныя свѣдѣнія о паломнической дружинѣ въ ст. Пыпина, паломничество и путешествія въ старой письменности „Вѣст. Европы" 1896 г. августъ.

[3]) О древнемъ происхожденіи русскихъ артелей, напр. рыболовныхъ, см. у Соколовскаго (ibid., стр. 116) „подобно тому, какъ въ поземельной общинѣ, также въ общественныхъ солеварняхъ (варницахъ) и здѣсь члены ассоціаціи продавали свои участки, т. е. право на участіе въ угодьѣ и орудіяхъ производства другимъ, причемъ смыслъ акта продажи здѣсь совершенно тотъ же, что и тамъ. Товарищи имѣли общія орудія производства: скеи, бани, амбары, суда и т. п., и сообща покупали продукты потребленія, напр. соль. Рыболовныя товарищества были распространены и въ центральныхъ уѣздахъ (напр., Переяславская рыбная слобода).

промышляли на нашемъ дальнемъ сѣверѣ (въ Архангельскомъ и Печорскомъ краѣ) ловлей кречетовъ, соколовъ, доставлявшихся ко дворамъ великихъ князей; это были ватаги „помытчиковъ", занимавшихся соколинымъ промысломъ [1]). Изъ эпохи нѣсколько позднѣйшей эти акты сообщаютъ объ артеляхъ, составлявшихся для ловли и битья моржей на Мурманѣ и Новой землѣ, для расчистки ключей соленыхъ и лѣса по берегамъ рѣки Юры, причемъ товарищамъ съ ихъ главаремъ предоставлено было великимъ княземъ: „вѣдать и судить самимъ всѣхъ во всемъ". Объ артельныхъ союзахъ въ XVI и XVII вѣкахъ дошли до насъ многочисленныя свѣдѣнія.

Юридическіе акты, изданные Петербургской Археографической коммисіей, а также древнія писцовыя книги, содержатъ въ себѣ любопытныя данныя объ артеляхъ ярыжныхъ (бурлаковъ), каменьщиковъ, иконописцевъ, колесниковъ, плотниковъ, кузнецовъ, рыболововъ, бортниковъ, сельскихъ рабочихъ, кортомщиковъ (арендаторовъ), извощиковъ и даже скомороховъ и нищихъ, имѣвшихъ тоже во главѣ своихъ выборныхъ старшихъ). Во всѣхъ позднѣйшихъ артельныхъ записяхъ

---

[1]) Акт. Арх. Эксп., I, № 1—3; у Соколовскаго (ibid), о взятіи крестьянами на оброкъ мха для ловли соколовъ. Въ сочин. Неволина (О пятин. и погост. Новг. въ XVI вѣк.) въ прил. I (книга Вотской пятины) указывается на крестьянскую артель для ловли соколовъ въ погостѣ Григорьевскомъ Кречневскомъ. Этой артели дана была особая грамота 30 мая 7008 года, и установленъ оброкъ въ пять гривенъ въ годъ съ уплатой его въ Новгородѣ великокняжескому дьяку Сумароку Воншерину.—Въ актахъ Холмогорской епархіи находится списокъ съ грамоты вел. кн. Василія Ивановича 1524 г. и подтвердительная вел. кн. Ивана Васильевича 1535 г. Науму Кобелю съ товарищами на расчистку ключей соленыхъ и лѣса, для поселенія и зазыва людей, на обѣихъ сторонахъ р. Юры и Смердый и Смердья озера; изъ этой грамоты мы узнаемъ, что великій князь предоставилъ Науму и его товарищамъ „вѣдать и судить самимъ всѣхъ во всемъ", т. е. зазывныхъ людей, а Наума и его товарищей великій князь судитъ самъ, или его казначей; см. Русс. Ист. биб., т. XIV, стр. 10; ср. у Востокова, Опис. рук. Рум. муз. 1842 г., стр. 71. См. предположенія Забѣлина, Ист. русс. жиз. II, 75, 358.

[2]) То же общинное начало внесъ русскій народъ и въ ремесленные кружки: 1) общины колесниковъ во главѣ со старостой; 2) о плотничьей артели XI вѣка говорится въ сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ; 3) объ общинѣ „волочанъ" извѣстно въ 1229 году; 4) дружина иконописцевъ въ Псковѣ въ 1420 г.; см. Соколовскій (ibid.), стр. 117, 118 (прим.). Подробныя свѣдѣнія объ артеляхъ XVI и XVII вѣк. помѣщены въ сочин. Калачева „Артели въ древней и нынѣшней Россіи", Спб. 1864 г. См. также сочин. Исаева, Артели въ Россіи, Ярославль, 1881 года. См., напр., артельную запись въ Акт. Юрид. изд. Калачевымъ, № 111. См. слово „артель" въ энциклопед. слов. Брокгауза и Ефрона.

мы находимъ тѣ же, упомянутыя выше, типичныя черты русской общины, причемъ весьма любопытно, что въ этихъ записяхъ имѣются указанія на то нравственное воздѣйствіе всей артели на ея отдѣльныхъ членовъ („артельниковъ"), которое составляетъ такую характерную особенность въ устройствѣ этихъ самобытныхъ русскихъ союзовъ. „Артель надо во всемъ слушать и ей покоряться". „На міръ—суда нѣтъ". Особую роль могли въ артели играть только тѣ члены „кого артель излюбитъ", а представительство отдавалось „достойнѣйшему" („старостѣ, бережнику, усердику"); артели присваивалось право суда (въ тайнѣ) и домашней расправы (наложеніе штрафа и исключеніе изъ состава артели) надъ ея порочными и нерадивыми членами. Въ артельныхъ правилахъ нерѣдко встрѣчаются особые пункты, въ силу которыхъ запрещались: ссоры, драки, брань, игра въ зернь, особенно пьянство и вообще дурное поведеніе, а предписывалось повиновеніе старшимъ и оказаніе уваженія товарищамъ, безъ возвышенія ихъ другъ передъ другомъ старшинствомъ или званіемъ [1]).

Прослѣдить на протяженіи многовѣковой русской жизни за тѣмъ могущественнымъ и неотразимымъ вліяніемъ, которое оказывали самобытныя общинныя начала на разнообразныя проявленія народной дѣятельности,—представить наглядно всю уравнительность, которую вносили эти начала во взаимныя отношенія разныхъ классовъ населенія по общественнымъ ихъ дѣламъ, даже въ сельско-хозяйственную жизнь и въ отправленіе военной и сторожевой службы казацкихъ круговъ и становъ на дальнемъ Уралѣ, или на Дону,—задача весьма трудная, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно важная, такъ какъ раскрытіе всѣхъ этихъ фактовъ и правильное ихъ освѣщеніе можетъ послужить къ выясненію основъ нашего народнаго характера и завѣтныхъ стремленій русскаго народа къ осуществленію своего историческаго призванія, къ своей „русской правдѣ". Уже въ своихъ различныхъ рабочихъ и торгово-промышленныхъ артеляхъ, которыя безспорно могутъ выста-

---

Объ артели „скомороховъ" см. Древ. рос. Вив. VIII, 365. Ср. „Стоглавъ", 43; Карамз. Ист. госуд. рос. IV, примѣч. 372; Дополн. къ Акт. Ист. I, 117, 118, 119. Объ экономическихъ бытовыхъ общинахъ см. у Чечулина Гор. Москов. госуд. 62, 66, 136.

[1]) Вліяніе общинныхъ началъ выразилось также въ той обрядности, которая замѣчается въ нашей артельной жизни. См., напр., у Калачева (ibid) о сообщеніи старостой расходовъ артели „у образа" (стр. 27); или о наложеніи старостой штрафа на артельниковъ и объ объявленіи имъ о семъ также „у образа". Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ артеляхъ существуетъ „общая молитва", обрядъ поклоновъ на всѣ четыре стороны, и т. п.

вить своимъ девизомъ: „вѣрность и честность“, и которыя повсемѣстно и съ давнихъ поръ пріобрѣли довѣріе общества, народный умъ и совѣсть съумѣли выразить, какія общественныя идеалы имъ всего ближе къ сердцу [1]).

Въ своихъ артельныхъ учрежденіяхъ русскіе люди достигли возможнаго уравненія правъ трудящагося класса и примиренія тѣхъ соціальныхъ несовершенствъ и неправильностей, которыя замѣчаются въ человѣческомъ обществѣ повсюду и всегда; въ этихъ учрежденіяхъ личное начало и личная иниціатива, по добровольному соглашенію людей, участвующихъ въ союзѣ, связана только на время, пока пребываніе въ немъ они находятъ для себя выгоднымъ; да, къ тому же, находясь въ соединеніи, они и не утрачиваютъ всей своей независимости. Посредствомъ артели, личность входящая въ составъ ея, неизмѣримо выигрываетъ въ своей силѣ и въ своемъ общественномъ значеніи; она выводится изъ апатіи и безжизненности; ей легче бороться съ монополіей и съ окружающими ее со всѣхъ сторонъ привилегіями сильныхъ людей; она свободнѣе выдерживаетъ гнетъ ихъ капиталовъ. При развитіи этихъ союзныхъ началъ общественная атмосфера скорѣе очищается отъ всякихъ корыстныхъ вождѣленій, а строй общественный—отъ лицъ, торгующихъ личнымъ трудомъ рабочаго класса (подрядчиковъ, посредниковъ), процвѣтаніе которыхъ стоитъ въ прямой зависимости отъ отдаленности производящаго класса отъ потребителей, поставленныхъ въ необходимость пріобрѣтать нужные предметы изъ вторыхъ и третьихъ рукъ. Мечта о равенствѣ между собой отдѣльныхъ членовъ человѣческаго общества является химерой и подчасъ опасной химерой; стремленіе же къ равенству между отдѣльными союзами, хотя тоже, быть можетъ, еще мечта, но мечта всетаки осуществимая.

А. Папковъ.

---

[1]) Типичнымъ примѣромъ казацкой волостной общины можетъ служить грандіозная община уральскихъ казаковъ, основанная въ XVI вѣкѣ русскими выходцами изъ Московской области и существующая въ нѣсколько измѣненномъ видѣ до сихъ поръ. Вся земля на пространствѣ 700—800 квад. верстъ, всѣ воды состоятъ здѣсь въ нераздѣльномъ владѣніи и пользованіи громаднаго населенія въ 50.000 человѣкъ. Народные идеалы нашли здѣсь свободную почву для своего выраженія и осуществились поэтому въ формахъ быта гораздо полнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Всѣ мельчайшія подробности пользованія естественными богатствами: сѣнокосами, рыбными ловлями, лѣсомъ, подчинены здѣсь общему плану, въ основѣ котораго лежитъ принципъ равнаго удовлетворенія потребностей всѣхъ членовъ общины. Подобную же общину составляли еще въ недавнее время Донскіе казаки, въ бытѣ которыхъ до сихъ поръ сохранилось много слѣдовъ древняго общиннаго устройства. См. Соколовскаго (ibid), стр. 67; Калачева, Арт. въ древ. и нын. Россіи, стр. 29 и 51.